

Вперед к самой политике: феноменология в условиях нового кризиса

НИКОЛАЙ
НАХШУНОВ

The Routledge Handbook of Political Phenomenology

STEFFEN HERRMANN, GERHARD THONHAUSER, SOPHIE LOIDOLT,
TOBIAS MATZNER, NILS BARATELLA (Eds.)
New York; Oxon: Routledge, 2024. – 488 p.

Философия может утратить свой смысл, если она от-
казывается судить о настоящем.

МОРИС МЕРЛО-ПОНТИ. *Знаки*

Феноменология в строгости своей методологии, на которую указывал ее основоположник Эдмунд Гуссерль, и амбициозности (а стремление обратить философскую рефлексию «к самим вещам» является по-настоящему амбициозным и даже революционным) не уступает другим философским направлениям, в частности – политической философии. Ведь политика также редуцируема к вещам, существующим и действующим в мире, к управлению ими и организации их во множественные нормативные порядки. В этой связи возникает вопрос о междисциплинарной специфичности: что феноменология может сказать о политике такого, чего не могут выразить политические теории и философии? С оговоркой на текущее положение дел в публичной сфере этот вопрос может звучать несколько иначе: что особенного феноменология может сказать о политике в условиях, когда пространство для философского высказывания постоянно сужается под давлением политического доктринерства и глобального интеллектуального кризиса?

Как одну из попыток ответа можно рассматривать вышедший в 2024 году «Сборник Раутледжа по политической феноменологии». Его составители – молодые австрийские и немецкие феноменологи Стеффен Херрманн (Хагенский заочный университет), Герхард Тонхаузер (Технический университет Дармштадта), Софи Лойдолт (Технический университет Дармштадта), Тобиас Матцнер (Падерборнский университет) и Нильс Барателла (Университет прикладных наук Дюссельдорфа). Стоит отметить, что это далеко не первая попытка осмыслить политику

*Николай Нахшунов
(р. 1998) – политический
философ, редактор жур-
нала «Новое литератур-
ное обозрение».*

с феноменологических позиций. Ей предшествовали сборники «Феноменология политического»¹, «Политическая феноменология: эссе в память о Пити Юнг»², «Феноменология и примат политического: эссе в честь Жака Таминьо»³, «Политическая феноменология: опыт, онтология, эпистема»⁴ и монография «Политическая логика опыта: выражение в феноменологии»⁵.

Все предшествующие издания были важными и пионерскими попытками ухватить *политическое* как самостоятельный феномен, однако они были единичными, локальными и разрозненными, тогда как сборник Раутледжа своим появлением заявил о существовании целого, хотя и гетерогенного, движения в современной философской академии. Тому, что публикация состоялась, составители, как они сами отмечают в разделе «Благодарности» (р. х), обязаны конференциям в Ольденбурге, Падерборне и Дармштадте. А результаты этой работы обсуждались с широким размахом в рамках серии онлайн-лекций «Критическая и политическая феноменология в дискуссии» и следующей за ней «Политическая феноменология в дискуссии: эко-феноменология», которую организовали составители сборника Стеффен Херрманн, Софи Лойдолт, Герхард Тонхаузер вместе с профессором Хагенского заочного университета Томасом Бедорфом и директором Архива Гуссерля в Кёльнском университете Тимо Брейером.

Что особенного феноменология может сказать о политике в условиях, когда пространство для философского высказывания постоянно сужается под давлением политического доктринерства и глобального интеллектуального кризиса?

Сборник Раутледжа по политической феноменологии состоит из шести частей: «Основатели феноменологии», «Экзистенциальная феноменология», «Феноменология социального и политического мира», «Феноменология инаковости», «Феноменология в дискуссии» и «Современные разработки» – и подразделен на 35 глав, написанных ведущими феноменологами наших дней, среди которых Софи Лойдолт, Дэн Захави, Никола

1 THOMPSON K., EMBREE L. (Eds.). *Phenomenology of the Political*. Dordrecht: Springer, 2000.

2 JUNG H.Y., EMBREE L. (Eds.). *Political Phenomenology: Essays in Memory of Petee Jung*. Cham: Springer, 2016.

3 FÔTI V.M., KONTOS P. (Eds.). *Phenomenology and the Primacy of the Political: Essays in Honor of Jacques Taminiaux*. Cham: Springer, 2017.

4 BEDORF T., HERRMANN S. (Eds.). *Political Phenomenology: Experience, Ontology, Episteme*. New York; Oxon: Routledge, 2020.

5 DEROO N. *The Political Logic of Experience Expression in Phenomenology*. New York: Fordham University Press, 2022.

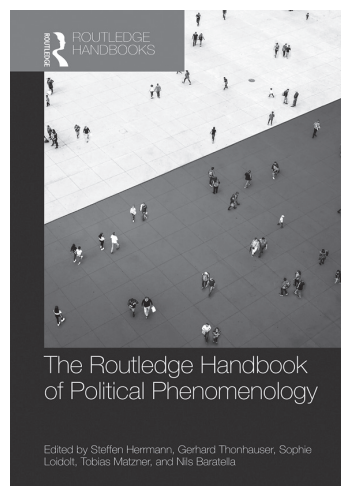
де Уоррен, Сара Хайнэмаа, Алия Аль-Саджи, Ланей М. Родимейер, Лиза Гюнтер и многие другие. Большинство глав посвящено классической феноменологии Гуссерля, Хайдеггера, Сартра, Мерло-Понти, Левинаса и критическим авторам, значительно расширившим феноменологическую традицию и подготовившим почву для ее политического развития: Ханне Арендт, Симоне де Бовуар, Францу Фанону, Чан Дык Тхао. Ценность других глав состоит в том, что они смело (с точки зрения классической «строгой науки») обращаются к наиболее острым понятиям политического дискурса, таким как гендер, раса, квир, деколонизация и другие, и включают их в феноменологическую проблематику конституирования установок, опыта и нормативностей.

Уже в первой части авторы ставят под вопрос нахождение феноменологии вне политики. Ее отцы-основатели (главы этой части посвящены Эдмунду Гуссерлю, Максу Шелеру, Мартину Хайдеггеру и более широкому «Контексту» – так названа общая глава, посвященная представителям ранней феноменологии: Адольфу Райнаху, Эдит Штайн, Дитриху фон Гильдебранду и Аурелу Колнаи) подчеркивали свою неангажированность и аполитичность, но в то же время являлись подданными и гражданами государств, претерпевавших значительные изменения, трансформации и кризисы на протяжении всей первой половины XX века – Германии и Австро-Венгрии, – а значит, не могли не реагировать на политические события. Многие из них намеренно обходили политические темы; другие – например, Макс Шелер и Мартин Хайдеггер – включались в политические дебаты с научных позиций. Но рефлексия всех в равной степени была затронута переживанием потери знакомого и некогда всеобъемлющего порядка, острого чувства неопределенности и насилия, постепенно наводняющего эпоху.

Если первое поколение феноменологов стремилось отделить себя от политики, то второе – с которым связывают французскую экзистенциальную феноменологию, – напротив, столкнулось с гиперполитизацией. Тому есть несколько причин: французские интеллектуалы (1) активно участвовали в Движении Сопротивления; (2) многие из них боролись с французским колониализмом и не понаслышке знали о его ужасах; (3) поддерживали движения против классового, гендерного и расового угнетений и (4) – как идейно левые – занимались ревизией марксизма, необходимой в условиях сталинского террора и разворачивающейся «холодной войны» (р. 67). Все это привело к тому, что французская феноменология из рецепции Гегеля, Гуссерля и Хайдеггера превратилась в самостоятельное направление, причем критическое по отношению и к гегельянству, и к хайдеггерианству, и к классической феноменологии. Акцент во второй части книги сделан на круг журнала «Новые

НИКОЛАЙ НАХШУНОВ

ВПЕРЕД К САМОЙ
ПОЛИТИКЕ...

времена»: Жан-Поля Сартра, Симону де Бовуар, Мориса Мерло-Понти и Чана Дык Тхао, а также идейно близкого к нему Франца Фанона.

Третья часть объединяет очень разных мыслителей – Альфреда Шюца, Гюнтера Андерса, Ханну Арендт и Яна Паточку. Такая подборка связана с тем, что все эти авторы на основе идеи жизненного мира, принадлежащей позднему Гуссерлю, и хайдеггеровского анализа бытия-вместе выводят феноменологию социального и политического мира. В центре их размышлений оказываются человеческая ситуация (*human condition*), интересубъективность и посттоталитарное состояние общества, требующего для преодоления и исправления коллективных усилий.

Эти усилия по преодолению мышления тотальности (и тотальности мышления) раскрываются в четвертой части. Отправной точкой здесь служит фигура Другого. Однако если в классической феноменологии Другой (Другое Я) является инструментальной категорией для описания опыта собственного Я, то феноменология инаковости (р. 215) предназначает Другому центральное место. Начало этой традиции положил Эммануэль Левинас, о нем – в первой главе части. Однако левинасовский трансцендентальный Другой поставил перед феноменологией новые вопросы: каково соотношение трансценденции и эмпирии в феномене инаковости, как выстраивать отношения с другими и что делать с Другим/Чужим, находящимся внутри меня самого? Разные ответы на эти вопросы даются в главах о Поле Рикёре, Люс Иригарей, Жаке Деррида, Бернхарде Вальденфельсе и общей контекстной главе о повлиявших на становление феноменологии инаковости Мартине Бубере, Габриэле Марселе, Франце Розенцвейге, Жаке Лакане и Юлии Кристевой. Особое внимание уделяется влиянию на феноменологию психоанализа, в парадигме которого Другой не просто некто, отличающийся от Я, но нечто, где пересекаются наши желания, аффекты и фантазии. Такое продуктивное заимствование позволяет феноменологии децентрировать и раскрыть субъект по отношению к миру, а вместе с ним и политические порядки, их динамику и границы.

Пятая часть во многом отвечает на критику, адресованную феноменологии со стороны критических теорий и политической философии. Авторы вошедших в нее глав демонстрируют, как, несмотря на фундаментальные разногласия, внимание к аргументам друг друга способствует диалогу между разными философскими и теоретическими традициями, пусть напряженному и непростому. Обвинения феноменологии в идеализме, солипсизме, эссенциализме и других «-измах» хотя и воспринимались критически самими феноменологами, но направляли

развитие дисциплины и ее адаптацию в условиях постоянно усложняющихся представлений о мире. Так, без неомарксизма и Франкфуртской школы немыслима критическая феноменология и феноменологический анализ идеологических структур, без квир-теории – квир-феноменология гендера, ориентаций и нормативности, а феноменологическое значение постфункционализма только предстоит открыть.

Заключительная шестая часть посвящена феноменологической рецепции ключевых понятий современной политической мысли: феминизма и гендера, расы, интерсекциональности, белого невежества (*white ignorance*), деколонизации (и деколонизации феноменологии), инвалидности, аффектам и эмоциям, технологиям и цифровому миру, экологии и окружающей среде. Необходимость феноменологического прояснения связана с обострением так называемых «культурных войн», которые ведутся за захват смыслов и их присвоение, ростом популистских и неонацистских движений, экологическим и климатическим кризисом (р. 6). Феноменологическое эпохэ, заключение в скобки естественного, непротиворечивого и нормативного содержания этих понятий, оказываются актуальным и действенным средством по предотвращению интеллектуальной инфляции.

В целом тому, как организован сборник, присуща кризисная ориентация⁶. Спустя почти 90 лет после публикации первых глав гуссерлевского «Кризиса европейских наук» (1936) феноменология пережила не один кризис: изначальные представления о чистом сознании корректировались войнами, колонизацией, тоталитарными режимами, геноцидами, радикализмом и терроризмом. *Ego cogito* предстает обусловленным культурными, историческими и политическими обстоятельствами, а жизненный мир – ограниченным квазитрансцендентальными нормами и правилами, которые «не являются априорными в том смысле, что они абсолютно предшествуют опыту и действуют одинаково вне зависимости от контекста, но [при этом] играют конститутивную роль в формировании значения и характера нашего опыта»⁷. Но, помимо критической рефлексии, кризисы аккумулируют позитивные изменения, что с точки зрения феноменологии значит преодоление онтологических различий между субъектами и культивирование особого ответственного бытия, чувствительного к общей intersубъективной уязвимости.

Такой поворот в сторону политической ответственности не случаен. С одной стороны, сегодня у феноменологии не

НИКОЛАЙ НАХШУНОВ

ВПЕРЕД К САМОЙ
ПОЛИТИКЕ...

6 Кризису также посвящена двухгодичная конференция Немецкого общества феноменологических исследований, прошедшая 24–27 июля 2025 года в Техническом университете Дармштадта. Ее тема: «Кризис и критика».

7 GUENTHER L. *Critical Phenomenology* // WEISS G., MURPHY A.V., SALAMON G. (Eds.). *50 Concepts for a Critical Phenomenology*. Evanston: Northwestern University Press, 2019. P. 12.

остается шанса сохранить теоретическое высокомерие, она становится и теорией и практикой, как уже заявили матери-основательницы критической феноменологии⁸ – направления, соседствующего с политической. С другой, сторонники политической феноменологии признают влияние на их проект идей Ханны Арендт (р. х). Возможно, к удивлению некоторых, Арендт называла себя феноменологом, «но не в понимании Гегеля или Гуссерля»⁹. Рассмотренная ею политизация жизненного мира, преимущественно в «Vita Activa», позволила ухватить общий жизненный мир как множественность разных других, на что, например, обращает внимание Лойдолт в своей книге «Феноменология множественности: Ханна Арендт о политической intersубъективности»¹⁰.

Помимо критической рефлексии, кризисы аккумулируют позитивные изменения, что с точки зрения феноменологии значит преодоление онтологических различий между субъектами и культивирование особого ответственного бытия, чувствительного к общей intersубъективной уязвимости.

Но проект политической феноменологии – это не отвращение арендтианской мысли и не очередная феноменологическая деноминация. Это указание на то, что феноменология всегда была политической и не мыслилась в отрыве от политической ситуации, несмотря на аполитичность, декларируемую многими феноменологами. Здесь достаточно вспомнить «Черные тетради» Хайдеггера или – как позитивную альтернативу – обращение к политической проблематике у позднего Деррида.

Авторы сборника, современные феноменологи, не только признают влияние политики на мышление, но и пытаются определить, что в политической феноменологии непосредственно политического. Ответ на этот вопрос, что характерно для научных и политических манифестов, имеет рамочный характер и дается уже во вступлении:

«Политическое в политической феноменологии можно понимать как область субъекта, как процесс критического вопрошания или занятия политической позиции. [...] Можно выделить три соответствующие контрпозиции, на которые наши авторы нацелены или которые критикуют:

⁸ Ibid. P. 15–16.

⁹ YOUNG-BRUEHL E. *Hannah Arendt. For Love of the World*. New Haven: Yale University Press, 1982. P. 405.

¹⁰ LOIDOLT S. *Phenomenology of Plurality: Hannah Arendt on Political Intersubjectivity*. New York; Oxon: Routledge, 2018.

(1) Политическая феноменология как теория политического содержания, структур и процедур обычно направлена против политического нормативизма. Феноменологи критикуют такие теории за то, что они стремятся анализировать политические нормы, такие как свобода, равенство или солидарность, на основе теории, не прибегая к жизненному опыту субъектов. Политическая феноменология, напротив, пытается предложить насыщенные нормативные концепции, полученные из опытов сообщества, (не)справедливости, свободы, солидарности и т.д.

(2) Политическая феноменология как критическое вопрошание направлено против всех форм политического фундаментализма. Такой фундаментализм обычно встречается в политических порядках, которые претендуют на осуществление естественного или историко-телеологического порядка вещей. В форме тоталитаризма он стремится закрыть и уничтожить все возможные альтернативы своему собственному идеологическому нарративу. Смягченный вариант этой позиции сегодня встречается в авторитаризме и популизме, где голос народа и неопровержимая сила традиции провозглашаются источниками однозначных ответов на все политические проблемы. Во всех случаях политический фундаментализм характеризуется отрицанием множественности. Многие версии политической феноменологии, напротив, указывают именно на то, как плюрализм, инаковость и контингентность являются экзистенциальными или даже онтологическими факторами, которые сводятся к тому, чтобы удерживать “место власти” пустым и открытым. [...]

(3) Наконец, политическая феноменология как форма приверженности конкретной концепции политического порядка противоречит представлениям о политическом функционализме. Политический функционализм понимает политику исключительно с точки зрения координации и контроля. В результате демократические процессы формирования власти рассматриваются в первую очередь как инструментальные процессы достижения результата. Несколько направлений политической феноменологии утверждают, что это не только может привести к циничному виду *realpolitik*, но и игнорирует тот факт, что политическое действие принадлежит к основным и внутренне значимым диспозициям человеческой жизни» (р. 4–5).

Эти тезисы пересекаются с размышлениями российских феноменологов на страницах сборника «Что такое феноменология»¹¹, который был составлен по итогам одноименной серии лекций. Помимо растерянности, с которой сталкивается феноменология в России после 2022 года, философы утверждают:

«[Нужно] бороться против привычного и знакомого – не для того, чтобы показать, что ты посторонний в собственной стране, но чтобы продемонстрировать, насколько ваша собственная страна для

11 Что такое феноменология / Науч. ред. Н. АРТЕМЕНКО. Томск: Издательство Томского государственного университета, 2024.

НИКОЛАЙ НАХШУНОВ
ВПЕРЕД К САМОЙ
ПОЛИТИКЕ...

вас посторонняя и насколько всё, что вас окружает и производит впечатление приемлемого пейзажа, на деле есть результат целого ряда сражений, конфликтов, форм господства, постулатов и т.д.»¹².

Эти слова Мишеля Фуко – совсем нефеноменологического автора, но очень верные с точки зрения политической феноменологии – приводятся Георгием Чернавиным в его ответе на вопрос «Что же такое феноменология?». И если пейзаж на деле «есть результат целого ряда сражений, конфликтов, форм господства, постулатов и так далее», то есть является контингентным по своей сути, значит – феноменология по-прежнему может помыслить *иной* мир и сделать его мыслимым для многих разных других.

12 Чернавин Г. *Что же такое феноменология // Что такое феноменология*. С. 281.